

© 2006 г. В. М. АЛПАТОВ

АКТУАЛЬНО ЛИ УЧЕНИЕ МАРРА?

В статье дается развернутый критический анализ работ историка Б.С. Илизарова, посвященных итогам дискуссии по вопросам языкознания 1950 г. и основным положениям лингвистической концепции акад. Н.Я. Марра, на фоне критической оценки научного наследия акад. Н.Я. Марра и выяснения актуальности учения Н.Я. Марра для современной науки.

Еще недавно казалось, что ответ на вопрос, заданный в заглавии статьи, совершенно очевиден. В СССР, а затем в России с тех пор как отшумели дискуссии начала 50-х гг. среди лингвистов установилась общепринятая точка зрения, которая за рубежом преобладала всегда. В соответствии с ней Николай Яковлевич Марр был видным ученым-кавказоведом, который затем, выдвинув “новое учение о языке”, вышел за пределы науки.

Попытки пересмотра оценок Марра в СССР в 50–80-е гг. были лишь эпизодическими и исходили более всего от прямых его учеников (Р.Р. Гельгардт, И.В. Мегрелидзе). Но в конце 80-х гг. в стране началась активная критика Сталина и сталинизма, а многие, в том числе и те, кто ничего не знал об учении Марра (а таких было большинство), помнили, что Сталин его критиковал. Естественно, что появились публикации, защищавшие Марра и объявлявшие его невинной жертвой тирана (обзор таких публикаций см. [Алпатов 1991–2004: 215–219]). Однако их авторами были историки, философы, писатели, но редко лингвисты; в этих публикациях постоянно допускались грубые фактические ошибки (иногда авторы даже не знали, что к моменту выступления Сталина Марра уже пятнадцать лет не было в живых). В противовес этим выступлениям в конце данного периода появились сразу две монографии о Марре и выступлении Сталина, написанные профессиональными лингвистами [Горбаневский 1991; Алпатов 1991–2004]. Их авторы, достаточно разные в остальном, в оценках учения Марра вполне сошлись. Рассмотрев его положения, оба пришли к той же обычной оценке Марра с некоторыми уточнениями.

С начала 90-х гг. данная тема перестала активно разрабатываться в России. Не наблюдалось ее развития и на Западе. Однако в последнее время ситуация стала меняться. Интерес к Марру и его учению заметно усиливается, в том числе среди молодежи, особенно студентов (это мне приходилось видеть). А во время конференции “Русский язык в современном мире” в МГУ в марте 2004 г. распространялись буклеты об учреждении вполне взрослыми людьми в Санкт-Петербурге “Марровской лаборатории”. Ее учредителями выступили факультет социологии и отделение кавказоведения восточного факультета СПбГУ. Среди тем лаборатории называются: “Средиземноморское родство языков”, “Аналитическое письмо и всемирный язык”, “Кинетическая речь”, “Древние мистерии” и “Морфоноემический анализ радикалов”. В основном это темы, восходящие непосредственно к Марру. Среди ученых, идеи которых предполагается развивать, названы, с одной стороны, видные русские языковеды XIX в. – Г.П. Павский, К.С. Аксаков, Н.П. Некрасов, А.А. Потебня (что у них общего с Марром?), а с другой стороны, маргиналы советского языкознания, авторы непризнанных концепций – А. Вержбовский, В. Съедин, В. Ролич.

Больше внимания стало уделяться марризму и в других странах, свидетельством чего стал коллоквиум 2004 г. в Лозанне, организованный известным историком русской на-

уки о языке П. Серию с участием ученых из России и других стран. Хотя никто из выступавших на нем не призывал к восстановлению “нового учения” в полном виде, но большинство докладчиков находили в этом учении те или иные интересные идеи. В международной лингвистической энциклопедии Марр оказался вообще единственным удостоенным персональной статьи лингвистом, который назван русским (есть еще статьи об ученых смежных специальностей В.Б. Шкловском и В.Я. Проппе, а Казанская школа объявлена школой польской науки). Дю Фе в статье о Марре пишет о нем вполне благожелательно, хотя и не принимает крайности “нового учения” [Du Feu 1994: 2388]. Отметим и положительные упоминания “учения Марра” в ряде докладов ученых из национальных республик России на Международном конгрессе востоковедов в Москве в 2004 г.

Наследие Марра, таким образом, вопреки многим прогнозам, все-таки не перешло (по крайней мере, полностью) в разряд курьезов из истории науки и до сих пор привлекает внимание. Подтверждает это и появление двух больших статей историка Б.С. Илизарова [Илизаров 2003; 2004], на которых остановлюсь подробнее. Далее первая статья (печатавшаяся ввиду значительного объема в трех номерах журнала) будет цитироваться с указанием лишь номера и страницы, а вторая статья – только с указанием страницы.

Не хочу полностью зачеркивать публикации Б.С. Илизарова, которые очень интересны по приводимым там фактам. Документальная часть статьи основана на ранее не известных материалах архива и библиотеки Сталина. Впервые мы получаем точные сведения о том, как была организована дискуссия в “Правде” и какова была в ней личная роль Сталина. Интересны, например, данные, приводимые в письме ответственного секретаря “Правды” Л.Ф. Ильичева: к 17 июня 1950 г. (канун выступления Сталина) газета получила свыше 190 статей, из них 70 безоговорочно за Марра, около 100 за Марра, но с некоторой его критикой и лишь 20 против него (5, 173–174). Наконец, впервые вводятся в научный оборот материалы, связанные с работой Сталина над статьей “Относительно марксизма в языкознании” и ответами ее читателям: его пометы на изучавшейся им литературе (прежде всего, на статьях БСЭ) и на материалах дискуссии в “Правде”, черновики и варианты текста самих сталинских работ. Публикация Б.С. Илизарова развеивает ряд существовавших слухов и мифов. Теперь можно считать окончательно опровергнутыми ходившие много лет (в том числе и в среде лингвистов) слухи о том, что статьи по языкознанию, подписанные именем Сталина, писал кто-то другой.

Достоинства статьи Б.С. Илизарова не исчерпываются фактическим материалом. В ней можно видеть отдельные интересные наблюдения, например, в отношении научного стиля как Марра, так и Сталина. Некоторые идеи Б.С. Илизарова спорны, но любопытны, например, сопоставление по языку и стилю Н.Я. Марра с А. Платоновым (3, 115–116). Однако все это тонет в море неточностей и произвольных трактовок. Конечно, надо учитывать, что автор – не профессиональный лингвист. Но для историка непростительно огромное число ошибок в датах, написании фамилий и инициалов, в обозначениях научных учреждений и должностей. Один их перечень мог бы занять не меньше десятка страниц. Ограничусь лишь тем, что говорится о проблемах лингвистики.

У Б.С. Илизарова то упомянуто “хамитская (индоевропейская)” семья языков (3, 111), то говорится о “древнееврейском, в том числе арамейском языке” (курсив наш. – В.А.) (3, 109), то речь заходит о “грузинских (сванских) словах” (4, 126). Ошибки элементарны! Упомянут ««библейско-марровский» (нотратический) принцип классификации языков и народов» (3, 112), хотя нотратическая лингвистика исходит из принципов, прямо противоположных идеям Марра. Кстати, сходную неграмотность мы находим и в других публикациях того же автора. Во втором, “исправленном и дополненном”, издании книги Б.С. Илизарова “Тайная жизнь Сталина” сказано, будто бы средневековые грузины принадлежат “к индоевропейской (или, как тогда говорили, яфетической) языковой группе” [Илизаров 2003а: 249]. Не говорю уже о том, что к языковой группе принадлежат языки, а не люди, на них говорящие. Но термин “яфетические языки” ввел Марр, родной грузинский язык всегда для него был главным из этих языков, а “индоев-

ропейцы” и “яфетиды” во всех вариантах его концепций были противопоставленными друг другу понятиями.

Если разные языки и семьи языков Б.С. Илизаров приравнивает друг к другу, то при выделении научных дисциплин происходит прямо противоположное. Во второй статье через запятую, как разные науки представлены семиология и семиотика (189), хотя это два названия науки о знаках. Там же читаем: “В 50-м томе БСЭ о семантике сказано крайне скупо, но зато подробнее о семасиологии” (191), хотя ясно, что в данном контексте это синонимы.

Представления автора работ об истории лингвистики тоже далеки от точности. Вот одна фраза, содержащая сразу несколько ошибок: “И Шухард, и Услар к исследованиям кавказских языков прямого отношения не имели, но, как и Марр, они были известны в качестве пионеров антикомпаративистского направления в западноевропейской лингвистике начала XX в.” (4, 114). Но все до единой работы Петра Карловича Услара посвящены исследованиям кавказских языков; он был русским ученым (из русских немцев), уроженцем Тверской губернии, и умер еще в 1875 г. Шухард (так принято писать эту фамилию), большинство работ написавший еще в XIX в., хотя и не был кавказоведом по основной специальности, но в работах по общему языкознанию использовал кавказский материал. Антикомпаративистом он никогда не был, его полемика с младограмматиками была борьбой двух течений в рамках сравнительного языкознания (Марр в ранний период деятельности, когда еще признавал компаративистику, был в этой борьбе на его стороне). Услар тоже не был противником компаративистики, он просто занимался другими проблемами: описанием строя живых кавказских языков.

Еще пример: со ссылкой на энциклопедическую статью Р.О. Шор “основоположниками компаративистики” названы В. Гумбольдт, Ф. Шлегель, Лярус, Х. Штейнталь (4, 130). Но Ф. Шлегель и В. фон Гумбольдт занимались философией языка, создавали типологию, а обычными процедурами компаративистов мало занимались. Тем более не “основоположник” метода – последователь Гумбольдта Х. Штейнталь, работавший во второй половине XIX в., когда метод давно существовал, и совсем выпадает из этого ряда создатель знаменитого словаря французского языка П. Ларусс: он не был ни теоретиком языка, ни компаративистом. Но если обратиться к источнику познаний Б.С. Илизарова – статье Р.О. Шор в БСЭ – то там, как и следовало ожидать, нет никакого “Ляруса”. Есть Мориц Лацарус, сотрудничавший с Штейнталем. Но он также не мог быть “основоположником” компаративистики ни по возрасту (родился в 1824 г.), ни по профессии (психолог и философ, а не языковед). Основателями компаративистики были совсем другие ученые – Ф. Бопп, Я. Гримм и др. Впрочем, Бопп упомянут у Б.С. Илизарова в другом месте, но как! “Из энциклопедии Сталин узнал о попытке приложить эволюционную теорию Дарвина к эволюции языков, которую под именем компаративистики осуществил в середине XIX в. Ф. Боппа” (4, 130). Речь опять идет о статье Р.О. Шор, которая, разумеется, такого не писала. Это Б.С. Илизаров назвал Франца Боппа (выдвинул основные свои идеи еще в 1816 г.) Боппой и спутал его с Августом Шлейхером, применявшим теорию Дарвина (появилась в 1859 г.) к языкознанию.

Не точнее и характеристики лингвистики XX в. В оправдание идеи Марра о “революционных взрывах” в языке Б.С. Илизаров пишет: “Как в сталинское, так и в наше время получили мировое признание с десятков научных трактовок понятия и моделей порождения и развития языка от психологических, социологических и до логических и информационно-кибернетических. Но к 50-м годам советская гуманитарная наука была наглухо изолирована от остального мира и под присмотром партийного аппарата вынуждена была вращаться в кругу давно устаревших идей” (5, 186).

Разобраться в том, что здесь именуется “моделями порождения и развития языка”, довольно трудно. Если под “моделями порождения” имеется в виду Н. Хомский, то, во-первых, он выдвинул свои идеи несколько позже “сталинского времени”, начиная с 1957 года, и их быстро заметили в СССР, во-вторых, эти модели не связаны ни с происхождением, ни с развитием языка: это модели языковой способности (компетенции) человека. Вопросы происхождения и развития языка как раз в “сталинское время” (да и

долго позже) находились на периферии внимания западных лингвистов: господство структурализма и синхронных исследований не способствовало этому. Ситуация здесь стала меняться лишь в самое последнее время. Также и “социологические модели языка” (подразумевается, видимо, американская социолингвистика) стали развиваться лишь с начала 60-х гг. и касаются, прежде всего, синхронии. Мировая изоляция советской науки о языке также не была столь глухой, как это утверждает Б.С. Илизаров.

Теперь следует обратиться к главной проблеме в работах Илизарова – оценкам Марра, которые представляются завышенными. Характерно, что повторяется легенда о знании Марром 60–70 языков (3, 109).

Безусловно, случай Марра – тот случай, когда взгляды ученого не могут быть рассмотрены в отвлечении от его личности (тут Б.С. Илизаров как раз прав). Однако напрашивается вопрос, который автор статьи не ставит: а наука ли все это? В публикациях, посвященных Марру, уже отмечалось, что его тексты, особенно поздние, построены по законам не столько научного, сколько художественного творчества [Васильков 2001: 416]. По ряду своих особенностей Марр напоминает такого его своеобразного современника, как В. Хлебников: тот тоже, как и Марр, по выражению Г.О. Винокура, “в своем видении сразу обнимал одним взором все времена и весь мир... Он, в высшем, конечно, смысле, “не понимал” разницы между VI и XX в., между египтянами и полабянами” [Винокур 1990: 251]. См. также в недавней газетной статье: “Яфетидология ближе к театру Мейерхольда и поэзии Хлебникова, чем к академической лингвистике” [Независимая газета – Ex libris, 20.02.2003]. Да и сопоставляя Марра с его младшим современником Андреем Платоновым (вероятно, сходство здесь действительно можно найти), нельзя забывать о том, что Платонов, как и Хлебников, не был ученым. А Б.С. Илизаров, кое-что здесь замечая, тем не менее, пытается искать у Марра развитие науки. Но личная трагедия Марра, человека, безусловно, очень одаренного, заключалась в том, что он активно стремился перестраивать науку, не будучи ученым по своему складу. И то, что могло давать ценные результаты в литературе, для науки не подходило. А трагедией нашей отечественной науки о языке стало то, что по ряду причин внеученого характера его идеи внедрялись в качестве догм.

У Марра не было такого элементарного для ученого качества, как способность считаться с фактами. Как ни относиться к многочисленным статьям против Марра начала 50-х гг., нельзя не признать точности ряда формулировок, в них содержащихся. Так, один из критиков Марра, Б.В. Горнунг, писал: “Сначала следовал вывод, а потом уже изучение и исследование материала с готовой предвзятой идеей. Этому принципу, впервые примененному в юности, Н.Я. Марр остался верен всю свою жизнь” [ПВИМЯ 1951–1952, 2: 160].

В работах Марра можно отметить как бы два полюса: открытие конкретных фактов и гипотезы и прозрения в отношении самых общих проблем. В области конкретных фактов он более всего сделал за пределами лингвистики: открытие ранее не известных церковных письменных памятников Грузии и Армении, находки во время раскопок. В лингвистике, конечно, история науки должна отметить его приоритет в изучении древнеармянского, древнегрузинского и лазского языков, но большинство его описаний мало используются современной наукой и, как выясняется, не всегда доброкачественны. Исключение, впрочем, вероятно, составляет грамматика лазского языка [Марр 1910]. Как говорил на Международном конгрессе востоковедов в Москве в 2004 г. один из немногих специалистов по этому языку В. Ферштайн (Германия), он очень высоко оценивает грамматику, до сих пор остающуюся лучшей, и собирается переводить ее на немецкий язык. Вероятно, это лучшая лингвистическая работа Марра, что отмечал и его оппонент Е.Д. Поливанов [Поливанов 1991: 511].

Что касается гипотез и прозрений, то в них стоит разбираться. Приведу лишь два примера. Казавшееся абсурдным многим, далеко не только Сталину положение о грядущей революции в языке, поскольку “новое мышление” с трудом “умещается в звуковую речь” и готовится к “лепке, созиданию” качественно нового способа своей передачи, может иметь и серьезное содержание. Не предугадал ли Марр “визуальную революцию” в

передаче информации, происшедшую в XX веке? Он уже в течение небольшого времени был современником кино, но расцвет телевидения и видео был еще впереди. А идея о “кинетической речи”, предшествовавшей звуковой (да и вся гипотеза о происхождении языка)? Если отсеять явную фантастику вроде классовой борьбы между магами, уже владевшими звуковой речью, и народом, еще общавшимся жестами, то мы имеем дело с гипотезой, которую и сейчас нельзя ни доказать, ни опровергнуть. А вновь активизировавшиеся в последнее время исследования происхождения языка иногда (без какого-либо прямого влияния не читаемого ныне Марра) выдвигают сходные идеи, в частности, о первичности жестового языка. Весьма вероятно, что “тончайшая интуиция” Марра, “доходившая порой до гениальности” [Гамкрелидзе 2005: 5], вела в правильном направлении.

Но “середины”, в пределах которой работает большинство лингвистов, у Марра нет. Он просто не умел ни обобщать факты, ни доказывать фактами свои гипотезы. Многочисленные его попытки это делать приводили к явно абсурдным утверждениям, которые часто лежат на поверхности. Заявления о том, что “немецкий язык в древнейших частях не индоевропейский, а общий со сванским” [Марр 1933–1937, III: 100] или что “французский, английский, немецкий языки глоттогонически древнее латинского” [Марр 1933–1937, III: 100] (то есть французский язык не утерял латинское склонение и спряжение, а, наоборот, никогда его не имел, но разовьет в будущем) не требуют опровержения. Подобные утверждения в поздних работах Марра встречаются на каждом шагу. Кстати, некоторые из них были продемонстрированы уже во время дискуссии в “Правде”. Особенно здесь выделяется статья украинского академика Л.А. Булаховского, которую Б.С. Илизаров необоснованно относит к “совсем слабым” (5, 173). Там разобрана статья под странным (как часто бывало у Марра) названием “Яфетические зори на украинском хуторе (бабушкины сказки о Свинье Красное солнышко)” и показана научная несостоятельность марровских идей об истории украинского языка.

Б.С. Илизаров, однако, вполне сочувственно пересказывает ряд не принятых наукой положений ученого. Вот, например: “Он отчетливо видел, как их (славян. – В.А.) прямые предки, древние сарматы и скифы, вместе с иберами и ионянами-яфетидами выступают скульптурно в славянах” (3, 112). Однако еще до Марра стало известно, что сарматы и скифы – иранские народы, то есть не славяне, а представители другой ветви индоевропейской семьи.

Также с симпатией Б.С. Илизаров относится и к знаменитым четырем элементам Марра: «Для нас остается не известным, было ли Марру откровение свыше или он своим гениальным слухом ученого-лингвиста каким-то образом уловил в современном общечеловеческом многоязычном “реве” эти первичные комплексы, эти первоэлементы, эти четыре словоформы, породившие все мыслимые слова» (3, 105). Тут же, правда, признается, что Марр, может быть, все это “попросту придумал” (3, 104). При этом автор статьи не только ошибся в названии одного из элементов (нон вместо йон), но и назвал их “словоформами”. Но термин “словоформа” означает грамматически оформленное слово, а академик относил свои элементы, “диффузные выкрики” к временам, когда еще не было ни слов, ни грамматики. Четыре элемента – также гипотеза, которую пока нельзя ни доказать, ни опровергнуть, но, с точки зрения науки – это типичное “забегание вперед”. Из материала современных и даже древних языков четыре элемента никак не выводятся (никто, кроме Марра с его богатой фантазией, не смог это сделать), а к эпохам, близким к гипотетической эпохе “диффузных выкриков”, наука пока не подступилась. С другой стороны, явно преувеличено мнение о том, что будто бы “лингвисты, не поддавшиеся заклинаниям” Марра, не признают его “именно из-за этих поистине волшебных слов” (3, 105). Четыре элемента – один из важнейших пунктов “нового учения”, но все же у Марра хватало и других высказываний, явно несовместимых с наукой.

Автору разбираемых нами работ импонирует стремление Марра рассматривать явления языка в широком контексте, связывать науку о языке с другими науками и, особенно, с историей и археологией. Например, он пишет с симпатией к Марру: “Он ставил вопрос о системном изучении языка и мышления в связи с данными археологии и социаль-

ной истории” (5, 168). Но тут же он вынужден согласиться со Сталиным, что подобные высказывания Марра – “декларирование” (очень редкий случай, когда Б.С. Илизаров признает, что Сталин “был абсолютно прав”).

Безусловно, подчеркивание двусторонних связей науки о языке с другими гуманитарными науками может быть привлекательным. В 20–50-е гг. такие идеи были не в моде, особенно на Западе: господствовало противоположное стремление к обособлению лингвистики, разработке строго лингвистических методов. Однако в наши дни, наоборот, преобладает интерес к комплексности, к содружеству наук. К тому же (что верно отмечает Б.С. Илизаров) идеи Марра привлекали советских историков, археологов, этнографов, которые “в большинстве были настроены промарристски” (5, 173); именно за счет их писем наблюдалось столь большое преобладание откликов в пользу Марра во время дискуссии в “Правде” (впрочем, ни одно из писем нелингвистов не было опубликовано). Казалось, что яфетическая теория позволяет объяснить многое из того, что не поддавалось изучению историческими методами, особенно вопросы древнейшей, дописьменной истории и этногенеза. В то же время явные провалы в построениях Марра неспециалистам в лингвистике не были столь очевидны, как лингвистам.

Однако ничего, кроме самой общей постановки проблемы (ставившейся и до Марра), яфетидология предложить не могла. Вопрос о содружестве истории и исторической лингвистики начинали рассматривать в XIX в. Была, например, “школа слов и вещей”, созданная упоминавшимся выше Г. Шухардтом. Но это были лишь самые простые случаи связи истории общества с историей языка, к тому же основанные на анализе письменных памятников. А попытка заглянуть в глубокую “доисторию” с помощью элементного анализа и других идей Марра не увенчалась успехом. Больше здесь дает традиционная компаративистика.

Любовь к постановке общих вопросов, стремление к комплексности подхода сами по себе могут считаться положительными сторонами учения Марра. Но, как и во всем остальном, он мог лишь давать общие формулировки и выдвигать не подтверждаемые фактами гипотезы. А говорить об этом ученом как о “пионере системного подхода” (3, 111) – большое преувеличение.

Особо следует сказать об отношении Марра к марксизму. Б.С. Илизаров (вполне логично относящийся к Марксу и Энгельсу) правильно отмечает, что до революции Марр игнорировал марксизм, хотя ряд его идей, позже сохранных, уже существовали. Добавлю, что в связи с попыткой доказать недоказуемое, а именно родство армянского языка с грузинским, Марр задолго до революции выдвинул и идею о классовости языка: “народный” армянский якобы родствен грузинскому, а “княжеский” армянский он соглашался считать индоевропейским. Активное приспособление своих идей к марксизму Марр начал (во многом, под влиянием своего окружения) лишь с конца 20-х гг.

Тем не менее, Б.С. Илизаров связывает с марксизмом многие стороны “нового учения”, включая те, которые появились раньше, чем Марр обратил внимание на марксизм. Например, сказано о рассмотрении «библейской модели в марксистском, “стадиальном” духе» (3, 112). То есть стадильность языков – марксистская идея. Конечно, при самом общем рассмотрении можно говорить о том, что формации в философии истории и стадии в философии языка – проявления некоторой общей традиции гегельянства [Алпатов 1992]. Но прямой связи здесь не было. Идея стадий в развитии языков появилась у Фридриха Шлегеля в 1809 г., то есть до рождения К. Маркса. В 10–30-е гг. XIX в. она была развита Августом Шлегелем и Вильгельмом фон Гумбольдтом. В конце XIX в., в эпоху младограмматиков, которые вопреки Б.С. Илизарову (4, 130) были не столько гегельянцами, сколько позитивистами, стадии отвергли из-за их недоказуемости. Марр же в целом сохранил традиционное понимание стадий и не так сильно его преобразовал (главное изменение – появление яфетической стадии). Сказано и о том, что Марр “опирался на марксистское воззрение о роли руки, труда и частной собственности в развитии цивилизации” в концепции “кинетической речи” (3, 112). Но на той же странице признается, что о роли жестов в первобытном обществе писали и до Энгельса, и

помимо Энгельса. Оба компонента в учении Марра появились с самого начала его формирования, лишь потом их изложение стало снабжаться марксистской терминологией.

Очевидно, что Марру было выгодно приспособлять свое учение к господствующей доктрине. Но там, где его любимые идеи очевидно противоречили ей, Марр оставался со своими идеями, как это было с вопросом о классах в первобытном обществе; это отмечает Б.С. Илизаров (3, 108). А свидетели высказываний Марра за границей, где он мог говорить свободнее, отмечали нечто совсем иное: “Марксисты считают мои работы марксистскими, тем лучше для марксизма” [Unbegaun 1954: 117] и “С волками жить – по-волчьи выть!” [Scöld 1929: 87]. Похоже, что Сталин ошибался, считая, будто Марр (до революции принадлежавший скорее к правой профессуре) “хотел быть и старался быть марксистом”. Это, конечно, не исключает искренности стремлений связать марризм с марксизмом у многих сторонников “нового учения о языке”, особенно молодых.

Разумеется, независимо от степени прямой связи с марксизмом “космическая” концепция Марра отражала “дух эпохи”. Ему соответствовала даже “классовая борьба” между магами и трудящимися в далекой древности, противоречившая Энгельсу. Однако слишком многое здесь выводило Марра и его последователей за пределы науки.

Еще меньше оснований, чем в отношении К. Маркса и Ф. Энгельса, искать влияние на Марра идей Ф. де Соссюра, которое Б.С. Илизаров во второй статье дважды (189, 196) считает несомненным. Упоминания Соссюра в сочинениях Марра – эпизодические и случайные. Марр просто не заметил тот переворот в лингвистике, который произошел под влиянием книги Соссюра, и до конца жизни искренне считал, что в мировой науке о языке господствует “индоевропеизм”. Те же параллели, которые Б.С. Илизаров выискивает у Марра и Соссюра, скорее представляют собой либо общие места науки того времени (например, о том, что звуковая речь важнее письменной), либо влияние также широко распространенного в начале XX в. социологического подхода к языку, усвоенного двумя учеными независимо друг от друга.

Переоценивает Б.С. Илизаров и мировое влияние Марра. Он пишет: «В 30–50-е годы представители западной “буржуазной” науки..., кое-что (из идей Марра. – В.А.) приняли к сведению, а затем развили в новые научные дисциплины и перспективные направления: социолингвистику, кинесику, отдельные теоретические аспекты антропогенеза и этнолингвистики» (181). Тут надо различать две разные вещи. Марр, как я отмечал выше, своей замечательной интуицией мог предугадывать какие-то идеи, которые позже появятся в лингвистике. Об этом во второй статье тоже пишет Б.С. Илизаров (с. 196 и др.), и здесь где-то с ним можно согласиться. Но о каком-либо прямом влиянии Марра на какую-либо из перечисленных у Б.С. Илизарова дисциплин (как и на упомянутую им семантику) говорить не приходится. Скажем, в современной западной социолингвистике принято считать, что эта дисциплина появилась в 60-х гг. в США, а раньше этим никто не занимался. Это неверно, но среди предшественников социолингвистики гораздо интереснее вспомнить не о Марре, а, скажем, о таких ученых, как Е.Д. Поливанов и А.М. Селищев.

Нет оснований и видеть влияние Марра на концепцию языковых союзов Н.С. Трубецкого. Б.С. Илизаров пишет, что Трубецкой «обнаружил новое явление – исторически сложившиеся общности языков, не состоящих в родстве, но зримо идущих к “схождению”». Думаю, что здесь прослеживается не только негативное, но и позитивное воздействие взглядов Марра, на работы которого Трубецкой иногда ссылался» (199). Трубецкому работы Марра были, безусловно, известны, а в критике традиционной компаративистики (только в ней!) между ними есть даже некоторое сходство. Но слишком уж известно упоминаемое и у Б.С. Илизарова крайне негативное отношение Трубецкого ко всему, что делал академик. Еще в 1924 г. он писал Р. Якобсону, что работы “умственно расстроенного” Марра “рецензировать должен не столько лингвист, сколько психиатр” [Trubetskoy 1975: 74–75]. Так что истоки идей Трубецкого, по-видимому, все же иные.

Во второй своей работе в связи с письмом И.В. Сталина Г.Д. Санжееву Б.С. Илизаров обсуждает еще один важный вопрос: о языковом родстве. И здесь он с явным сочувствием относится к идеям Марра.

Как известно, Марр, первоначально признававший традиционную схему языкового родства, в 1923 г. отказался от нее и предложил прямо противоположную теорию, согласно которой языки не расходятся и не образуют семьи, а лишь сходятся и скрещиваются. Такая точка зрения никем, кроме прямых последователей Марра, не была принята, а в компаративистике сейчас, как и сто лет назад, господствует прямо противоположный постулат (иногда именуемый “концепцией родословного древа”), согласно которому языки расходятся, но никогда не скрещиваются. Одно из следствий этого постулата – тезис о возможности для каждого языка установить принадлежность к какой-либо группе какой-либо семьи. Из этого интуитивно исходили компаративисты с самого начала, но в явном виде “концепцию родословного древа” сформулировал в 50–60-е гг. XIX в. Август Шлейхер, находившийся под сильным влиянием дарвинизма.

Марр здесь (если говорить лишь о критике) был не первым и не последним. Серьезным критиком компаративистики на протяжении более чем полувека был И.А. Бодуэн де Куртенэ, который даже назвал одну из статей 1901 г. полемически заостренно “О смешанном характере всех языков” [Бодуэн 1963, 1: 366–367]. В связи с общим интересом к языковому смешению он весьма сочувственно относился к ранним работам Марра [Бодуэн 1963, 2: 17]. Позже традиционный подход компаративистики критиковал и Н.С. Трубецкой, который писал: “История языков знает и дивергентное и конвергентное развитие. Порою бывает даже трудно провести грань между этими двумя видами развития” [Трубецкой 1987: 46]. Компаративисты уже почти два столетия знают лишь дивергентное развитие, Марр, наоборот, считал, что существует только конвергентное развитие. Бодуэн де Куртенэ и Трубецкой признавали то и другое.

Тем не менее, сравнительно-исторический метод, основанный на спорной гипотезе о родословном древе, работал и работает. А построить сколько-нибудь равноценную методику работы с конвергенцией языков никому не удалось. И особенно печальной была судьба идей Марра, поскольку он попытался, по его выражению, “разбить вдребезги кумиров” компаративистики [Марр 1933–1937, IV: 144], вообще отбросив единственный разработанный метод, дающий информацию о древнейшей истории. Вопрос о границах применения сравнительно-исторического метода остается дискуссионным. Но никто, кроме Марра, не отказывался от него совсем.

Б.С. Илизаров идет и дальше. Он во второй своей статье пишет: “Мы подошли к главному пункту всей лингвистической эпопеи, не утратившему эмоциональной остроты и в наше время” (205). Речь идет о проблеме связи языка с расой. Он выражает солидарность с многочисленными заявлениями Марра о “расизме” традиционной компаративистики: “Многие генеалогические модели происхождения языков внутренне как бы подразумевают, что языковые семьи восходят, в конечном счете, к реальным человеческим парам или к родственным семьям” (205). Вслед за Марром Б.С. Илизаров ставит знак равенства между индоевропеистикой и фашистскими расовыми теориями: “Сталин понимал... в 1950 г., после войны с фашистской Германией, как тесно увязаны различные языковедческие и национальные проблемы с агрессивными идеологемами XX в.” (209). Пересказывая эти идеологемы, он делает упор на то, что, в соответствии с ними, “арийские племена... являются прародителями индоевропейских языков” (209). Всячески подчеркивается роль Марра в борьбе с такими теориями, а Сталину фактически приписывается (пусть не от лица автора) солидарность с ними: “Выступление Сталина в 1950 г. воспринималось последователями Марра как неожиданная доморощенная интерпретация расистских идей” (208). Кстати, о каких “последователях Марра” в период после июня 1950 г. можно говорить, если сам Б.С. Илизаров пишет: “Явных марристов после публикации статьи Сталина на просторах СССР почти не наблюдалось” (184)?

Одной из ведущих парадигм мировой науки о языке последних двух столетий предьявлены очень серьезные обвинения. Но можно ли считать их обоснованными? Очевидно, что использование каких-то идей фашистами еще не означает их изначальной по-

рочности. Фашисты могли использовать индоевропейские идеи там, где они им были нужны, и забывать о них в других случаях: они относили к “самой низшей расе” и физически уничтожали, безусловно, индоевропейский по языку народ – цыган. Что же касается связи между языковой семьей и расой, то ни один серьезный индоевропеист их никогда не отождествлял. Никто не знает, были ли древние индоевропейцы расово однородным народом или союзом народов разного происхождения. Но даже если верно первое, то за несколько тысяч лет индоевропейские языки распространились среди народов с самыми разными расовыми признаками: сингалы никак не похожи на скандинавов. То же относится и к другим семьям: родство тюркских языков общепризнанно, но среди их носителей есть и европеоиды (турки, азербайджанцы), и монголоиды (якуты, казахи). Искать “пап и мам” языковых семей, как иронически выражался Марр, могли лишь дилетанты (сам Марр в ранних работах так делал, но потом от этого отказался) или же идеологи расизма, подгонявшие данные компаративистики под заранее заданные схемы.

У Марра отождествление “империалистической” (его собственный эпитет) индоевропеистики и расизма было демагогическим приемом, направленным на дискредитацию конкурентов. Но зачем прибегать к подобным приемам сейчас? Цитируемые во второй статье Илизарова высказывания крупного ученого Ф. Боаса вовсе не являются альтернативой сравнительно-историческому языкознанию, постулаты которого он вполне принимал в отличие от Марра. Сталин же просто принял с некоторыми искажениями эти постулаты.

Б.С. Илизаров также ставит вопрос о личной ответственности Марра за то, что творилось в период господства его “нового учения”. Он пишет: Марр «не несет ответственности за действия людей “школы Марра”, как не несут ответственности: за большевизм – Маркс, за нацизм – Ницше, за костры инквизиции – Христос и его апостолы... Упрекать Марра за то, что он утвердил свое учение за счет других, нет никаких оснований» (3, 121). Б.С. Илизаров обвиняет “большинство историков отечественного языкознания” в возложении на Марра ответственности “за все те события, которые произошли между 1934 и 1950 г.” (3, 121). Я не знаю никого, кто бы так делал. Даже Сталин, говоря об “аракчеевском режиме”, возлагал ответственность за него на последователей Марра, а не на самого покойного академика. Но можно было бы признать правоту Б.С. Илизарова, если бы все “события” начались после 1934 г., что не так. Борьба с “правым крылом советской профессуры”, с “формалистами” и “контрабандистами” достигла своего пика в 1929–1933 гг., и есть немало доказательств того, что ей руководил сам Марр. А слова “утвердил свое учение за счет других” точно подходят к Марру. Именно в последние годы его жизни по его требованию сравнительно-историческое языкознание было официально запрещено, а славистику признали “вредной наукой”. Как раз после смерти Марра обстановка в советском языкознании стала заметно спокойнее. Это произошло отчасти благодаря усилиям его преемника академика И.И. Мещанинова, отчасти просто из-за того, что не стало “вулкана, действовавшего в едином огне и сотрясавшего все вокруг” [ПИДО 1935: 64], как охарактеризовал Марра в некрологе академик В.М. Алексеев.

Не буду столь же подробно останавливаться на оценках в статьях работ Сталина по языкознанию. В целом здесь у Б.С. Илизарова меньше явного непрофессионализма. Однако если оценки Марра завышены, то значение работ Сталина целиком перечеркивается: “В целом языковедческие публикации Сталина с научной точки зрения один большой ляпсус” (204). Автор статей все время старается искать нечто отрицательное почти в любом месте сталинских работ или подготовительных материалов к ним, ему хочется обнаружить неграмотность чуть ли не в каждом высказывании вождя, включая и те, где тот повторял (иногда с какими-то вариациями) общепринятые или господствующие в науке того времени высказывания. Говорится, например, про “его безапелляционные тезисы о малой изменчивости грамматического строя языка” (181), хотя малая изменчивость грамматики по сравнению с лексикой – азбучное положение языкознания. Утверждение Сталина о возможности мышления “лишь на базе языкового материала” на-

звано “наивно-прагматическим” (200), хотя так считали в XIX в. и в первой половине XX в. очень многие ученые.

Вот еще пример. В связи с критикой Сталиным Марра по вопросу о признании последним возможности передавать мысли без языка Б.С. Илизаров пишет: “Интеллектуальный опыт бывшего семинариста Сталина восставал против понимания языка вне слова. Слово же он воспринимал только как произнесенное, как звук, а язык только как язык фонетический” (5, 172). “Опыт семинариста” – опять указание на невежество. Но опять же это – просто повторение традиционных идей. Б.С. Илизаров подвергает сомнению версию А.С. Чикобава об использовании Сталиным учебника Д.Н. Кудрявского на том основании, что этой книги нет в его библиотеке (5, 177). Трудно сказать, так ли это (нужды подправлять истину в данном случае у грузинского ученого не было), но независимо от этого у Кудрявского мы находим такую же точку зрения по данному вопросу [Кудрявский 1912: 22]. Со времен романтизма, когда языковеды обратились к “живому, народному языку” и стали различать звуки и буквы, тезис о звуковой форме языка как первичной был незыблемым. Лишь в структурной лингвистике появилась идея о любой “манифестации” языка, включая звуковую, как о чем-то внешнем по отношению к языковой структуре.

Неоригинальность положений Сталина не учитывается в статье и тогда, когда Б.С. Илизаров утверждает: “До последнего времени сталинские формулировки понятия языка без особых изменений воспроизводятся во всех справочных и учебных изданиях и, конечно же, без ссылок на истинного автора” (181). Такие формулировки (о языке как средстве общения, о неразрывной связи языка и мышления и пр.) повторялись не только после Сталина, но и до него, тем самым он не мог быть их “истинным автором”. На с. 190 второй своей статьи Б.С. Илизаров, вопреки сказанному выше, фактически признает это, упоминая формулировку такого рода из учебника Д.Н. Кудрявского 1912 г.

Безусловно, работа Сталина была не слишком оригинальна и достаточно схематична. К тому же она ориентировалась не на передовую науку своего времени (в том числе и на советскую), а на идеи русской дореволюционной науки о языке (это вполне соответствовало идеологической линии Сталина тех лет). Один из ее реальных недостатков, кстати, виден из данных, приводимых Б.С. Илизаровым: Сталин, ощущая свой недостаточный профессионализм в лингвистике, избегал конкретных языковых примеров. В первой статье Б.С. Илизарова показано, как он постепенно отказывался даже от того небольшого, что было первоначально. Например, он бился над тем, как сказать о “Слове о полку Игореве”, а затем вообще снял все упоминания этого памятника (5, 187–188).

В вопросах языкознания Сталин в целом сумел разобраться (уже поэтому нельзя ставить в один ряд, как часто делают, его вмешательство в биологию и языкознание). Из отзывов лингвистов о работе Сталина приведу два. П.С. Кузнецов, много преследовавшийся марристами, писал в 1966 г.: «Сталинское учение предоставляло лингвистам несравненно более широкое поле самостоятельной научной деятельности, чем “новое учение о языке” Н.Я. Марра... Оно в простой и доступной форме сообщало многие такие положения, которые (или близкие к ним) уже высказывались нашими выдающимися лингвистами; прямых ошибок, в противоположность мнению некоторых ученых, в нем было очень немного (я лично могу указать, пожалуй, лишь две, и то касающиеся некоторых частных вопросов)» [Кузнецов 1966: 70]. А вот отзыв со стороны, принадлежащий Ноаму Хомскому (из письма японскому лингвисту Окубо Тадатоси): “Я читал эссе Сталина, когда оно появилось, и нашел его в высшей степени разумным (perfectly reasonable), но ничего не объясняющим (quite unilluminating)” [журнал Gengo, 1978, 9, 77].

Наряду с выступлениями главного участника дискуссии Б.С. Илизаров невысоко ставит все ее статьи и уравнивает их качество. Однако все-таки тогда публикации противников марризма выглядели намного серьезнее статей его защитников, что отмечали и иностранные наблюдатели [Rubenstein 1951].

Итак, публикации Б.С. Илизарова, очень уязвимые с многих точек зрения, демонстрируют, что идеи Марра все еще могут стать привлекательными, несмотря на их, каза-

лось бы, явное расхождение с установленными истинами науки (а, может быть, и благодаря этому расхождению). В чем здесь дело?

Я уже отмечал [Алпатов 1991: 33–34], что временная популярность “учения” Марра была популярностью не научной теории, которой оно не было, а мифа. Марровский миф образовался как бы на пересечении двух больших мифов, владевших умами (не связанных напрямую и во многом противоречащих друг другу) – мифа о всемогуществе науки и мифа о необходимости в новом обществе все строить заново. В Советском Союзе 20-х гг. не только старая социальная система, но и вся старая культура были дискредитированы. Многим (и не только у нас) хотелось создать новую культуру, не опирающуюся на старую. В области искусства адекватным выражением этого мировоззрения был авангардизм, поэтому приводившееся выше сопоставление Марра с Мейерхольдом правомерно (случайно ли, что сын Николая Яковлевича Юрий Марр был не только востоковедом, но и поэтом-футуристом?). Сложнее было с наукой, где этому мешали не только накопленные традиции, но и вся система научного мышления, вся совокупность подходов, принятая в науке. Поэтому научный авангардизм так и не смог сложиться в области естественных наук, где его абсурдность была слишком очевидна, в том числе на практике. И в гуманитарных науках у нас его сдерживало хотя бы распространение марксизма, революционного по выводам, но сохранявшего принципы европейского научного мышления Нового времени: опору на факты, стремление доказывать свои утверждения. Маркс и Энгельс никогда не говорили и о создании ими “новой науки” с нуля и опирались на идеи предшественников. Однако “дух времени” искал пути проникновения и в науку. Марр, харизматический лидер, по складу характера более пророк, чем академический ученый, оказался идеальной личностью для роли создателя “авангардистской науки”.

В “новом учении” были и другие черты, созвучные “духу” 20-х гг.: рассмотрение всех явлений “в мировом масштабе”, вне национальных рамок, сочувствие к культурам “угнетенных народов” и борьба с европоцентризмом, постановка вопроса о языке коммунистического будущего и др.

После “сталинского термидора” ситуация в стране резко изменилась. Уже не ждали мировой революции, СССР из центра мирового пролетариата превратился в мощное государство, где во многом восстанавливались институты и традиции царской России. Марр, тогда уже умерший, некоторое время по инерции еще воспринимался и официально пропагандировался как “великий ученый”, но его идеи вошли в противоречие с новой конъюнктурой. Может быть, Сталин случайно обратил внимание на марровское учение, но его критика этого учения не была случайной по сути. К тому времени Сталин расправился с авангардизмом в литературе и искусстве, предписав следовать художественным традициям Льва Толстого и Репина. И в науке близкий по духу к авангардизму Марр был удобной мишенью. Вместо его учения было предписано вернуться к традициям дореволюционного русского языкознания.

В данном случае интересы вождя совпали с интересами большинства лингвистов (чего не учитывает Б.С. Илизаров), поэтому его выступление было воспринято в научной среде положительно, независимо от того, как тот или иной ученый относился к Сталину. После этого уже более полувека оценки Марра среди профессиональных лингвистов не меняются. Его учение не выдерживает критики на основе любых критериев, применяемых в науке. Зарубежная наука исходила из этого всегда, поэтому учение Марра там никогда не было в почете. Безусловно, марризм был одной из многих в то время попыток найти альтернативу позитивизму с его эмпиризмом и “преклонением перед фактом” ([Волошинов 1995: 218]; см. об этом также [Гамкрелидзе 2005: 5]). Однако Марр шел дальше большинства критиков позитивизма, расходясь со всей научной традицией.

Но что происходит сейчас? Конъюнктура, способствовавшая популярности идей Марра, ушла в прошлое более полувека назад. Марра давно нет в живых, несколько лет назад ушли из жизни последние его ученики, обаяние его личности стерлось. А его идеи не умерли и кого-то привлекают.

Эта привлекательность может быть связана с причинами, лежащими далеко за пределами науки. Они могут быть прямо противоположными. С одной стороны, интерес к Марру может подогреваться ненавистью к его главному критику (случай Б.С. Илизарова). Но в МГУ от студентов нам пришлось слышать похвалы “антибуржуазности” учения Марра. И в Европе, насколько мы можем судить, Марр популярнее среди левых, чем среди правых.

Но есть и иные причины, отчасти связанные с указанными выше. Как раз решительность Марра в разрыве с традициями может привлекать в его учении (как нелингвистов, так и некоторых лингвистов). В последние десятилетия, сначала на Западе, особенно в Европе, а теперь и в России многократно говорится о кризисе не просто отдельных направлений гуманитарных наук (в частности, структурализма), но всего гуманитарного знания. Так называемая постмодернистская наука ставит под сомнение фундаментальные принципы науки Нового времени. И в этом смысле Марр, из каких бы он соображений ни исходил, выглядит как предтеча постмодернистского подхода к языку и другим феноменам.

В России к этому добавляется и еще один фактор. Общественная дискредитация марксизма-ленинизма и быстрая смена вех многими учеными-гуманитариями привели к массовому недоверию к научному знанию, особенно гуманитарному. Выход из этого может быть различным: от увлечения астрологией и оккультизмом (заметного и за рубежом) до интереса к наукообразным построениям, пересматривающим результаты, полученные наукой. Бестселлерами в России стали книги группы математиков во главе с А.Т. Фоменко. При внешнем использовании традиционных научных методов (популярности способствует меньшая дискредитация математического и естественнонаучного знания в массовом сознании) мы видим в их работах типично постмодернистское создание “виртуальной реальности”. С позиций “обычной” науки опровергнуть эти построения легко (что блестяще сделал академик А.А. Зализняк), но их популярность подогревается именно разочарованием в “обычной” науке. Конструкции Марра (независимо от, возможно, содержащихся в них гениальных прозрений) были таким же построением “виртуальной реальности”. Интерес к ним в России пока не получил массового характера (может быть, и в связи с его увлечением слишком далекими от нас событиями), но адепты уже есть. Насколько я себе представляю петербургскую Марровскую лабораторию, она именно такова.

В спокойные научные эпохи “новое учение” Марра закономерно отвергается научным сообществом. Это не исключает возможности использовать отдельные его положения, о чем пишет Т.В. Гамкрелидзе [Гамкрелидзе 2005: 5]. Но в кризисные эпохи оно способно увлечь людей, разочарованных общепринятыми нормами этого сообщества. Сейчас мы, по-видимому, наблюдаем новый период кризиса, и пока неясно, чем он закончится.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 1991–2004 – *В.М. Алпатов*. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991 (издание 2-е, дополненное, М., 2004).
- Алпатов 1992 – *В.М. Алпатов*. Марксизм и марризм (заметки неисторика) // Восток. 1992. № 3.
- Бодуэн 1963 – *И.А. Бодуэн де Куртенэ*. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1–2. М., 1963.
- Васильков 2001 – *Я.В. Васильков*. Трагедия академика Марра // Христианский Восток. Новая серия. Т. 2 (VIII). СПб.; М., 2001.
- Винокур 1990 – *Г.О. Винокур*. Хлебников (Вне времени и пространства) // Г.О. Винокур. Филологические исследования. М., 1990.
- Волошинов 1995 – *В. Волошинов*. Марксизм и философия языка. СПб., 1995.
- Гамкрелидзе 2005 – *Т.В. Гамкрелидзе*. Об одной лингвистической парадигме // ВЯ. 2005. № 2.
- Горбаневский 1991 – *М.В. Горбаневский*. В начале было слово.... М., 1991.

- Илизаров 2003 – *Б.С. Илизаров*. Почетный академик Сталин против академика Марра. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 3, 4, 5.
- Илизаров 2003а – *Б.С. Илизаров*. Тайная жизнь Сталина. М., 2003.
- Илизаров 2004 – *Б.С. Илизаров*. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году // Новая и новейшая история. 2004. № 5.
- Кудрявский 1912 – *Д.Н. Кудрявский*. Введение в языкознание. Юрьев, 1912.
- Кузнецов 1966 – *П.С. Кузнецов*. Еще о гуманизме и дегуманизации // ВЯ. 1966. № 4.
- Марр 1910 – *Н.Я. Марр*. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем // Материалы по яфетическому языкознанию. 2. СПб., 1910.
- Марр 1933–1937 – *Н.Я. Марр*. Избранные работы. Т. I–V. М.; Л., 1933–1937.
- ПВИМЯ 1951–1952 – Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Т. 1–2. М., 1951–1952.
- ПИДО 1935 – Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 3–4.
- Поливанов 1991 – *Е.Д. Поливанов*. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991.
- Трубецкой 1987 – *Н.С. Трубецкой*. Мысли об индоевропейской проблеме // Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Du Feu 1995 – *V.M. Du Feu*. Marš // The encyclopedia of language and linguistics / Ed. by R.E. Asher. V. 5. Oxford; New York, 1994.
- Rubenstein 1951 – *H. Rubenstein*. The recent conflict in Soviet linguistics // Language. V. 27. 1951. № 3.
- Scöld 1929 – *H. Scöld*. Zur Verwandtschaftslehre: die Kaukasische Mode. Lund, 1929.
- Trubetskoy 1975 – *N.S. Trubetskoy's letters and notes*. The Hague; Paris, 1975.
- Unbegaun 1954 – *B.O. Unbegaun*. Some recent studies on the history of the Russian language // Oxford Slavonic Papers. V. 5. 1954.